

Многие лета!

Совесть, благородство и достоинство

Стихи Булата Окуджавы давно разошлись на цитаты, как в свое время «Горе от ума». Его песни поют и дети, и старики, и каждый думает, что эти песни про него. Всем памятен случай, связанный с болезнью Окуджавы в Америке. Не могу представить, чтобы известие о недуге какого-то другого писателя или общественного деятеля во время пребывания за границей вызвало подобный отклик у наших соотечественников. Журналисты были ошеломлены неожиданным шквалом телеграмм, пришедших в редакции со всех концов страны. Звонили с предприятием — спрашивали, по какому адресу слать валюту для лечения. Такое может быть только при истинном признании людьми «своего» поэта. О нем наверняка будут еще написаны книги. Не биографии, а драматические свидетельства об уникальной личности, выдающемся художнике, замечательном человеке. Но сегодняшние короткие заметки имеют конкретный повод. Булату Шалвовичу исполняется семьдесят лет.

Он вошел в мою жизнь, как и в жизнь многих других москвичей, тридцать пять лет назад. Помню ту первую кассету с записью лирических стихотворений, которые исполнял под гитару человек с необычным именем Булат. Записи эти кочевали по домам московских интеллигентов.

...Негромкий голос, простые слова, доверительная интонация, бесхитростный аккомпанемент. Ощущение присутствия поэта. Казалось, это он только для меня приглушенным баритоном проникновенно расска-

зывал о последнем троллейбусе, о дорогом мне Арбате, о Вере, Надежде, Любви. И в рассказе его не было высокопарности и фальши.

Эти вроде бы незатейливые песенки и романсы звучали совсем непохоже на то, что слышали мы ежедневно по радио и на концертах, на расхожую тарбарщину, которую в избытке выпекала советская эстрада. Они были одновременно и трагичны, и светлы, проникнуты любовью и скорбью, мудростью, состраданием, милосердием и добротой. Они

и радовали, и облагораживали, и утверждали красоту мира.

Разве забудешь, с какой быстротой песни Булата Окуджавы приобрели известность... На его публичные выступления в Политехническом и в МГУ невозможно было пробиться. Во всю звенела «оттепель», но мозги еще были вывихнуты. А ненавязчивый голос поэта для многих оказался целебным лекарством, камертоном, по которому настраивались струны души, восстанавливались нравственные критерии. Поэт учил ненавидеть в себе раба, избав-

ляться от жлобства, лицемерия, эгоизма. Доверять себе, ценить собственную индивидуальность, собственное достоинство.

Помню полубомбочное состояние, которое испытал, увидев его первый раз вблизи. О чем мы говорили в те несколько минут, из памяти совершенно стерлось. Но осталось ощущение высокой простоты. В скромном костюме, обыкновенных отечественных башмаках, он был изысканно изящен, благороден и красив. А как он был точен в словах,

как остро ощущались исходящие от него флюиды порядочности и душевной чистоты!

...Однажды ты начинаешь понимать, что похож на отца. И руки твои отцовские, и подбородок, и даже родинка возле уха. Окружающие замечают, что и голоса у вас схожи, и походка. С годами сходство усиливается. Отец прорастает в тебе.

Так и Булат Окуджава просит в тысячах своих соотечественников. Несколько поколений ощущают его «отцовство». Можно философски обосновать менталитет шестидесятников. А можно сказать проще: шестидесятник — тот, у кого откликнулась душа на песни и личность Окуджавы.

Благодарить ли его, что мы по его милости оказались идеалистами, романтиками, да еще в такой момент, когда это, и другое не в чести и явно мешает жить? Горевать ли, что мы всю жизнь не заботились о комфорте, находились в вечном конфликте с начальством, в поисках правды совершали поступки подчас самоубийственные, а теперь вынуждены существовать в реальности, диктуемой совершенно иными законами? Смеяться или слезы лить по поводу того, что нам до конца жизни светят коммуналки да стоптанные башмаки, в то время как «новые русские» располагаются в особняках и ездят на сверкающих лимузинах? А все же порадуемся. Благодаря Булату Шалвовичу мы сохранили душу.

...Власти спохватились, когда Окуджаву уже стал властителем дум. И тогда на него обрушилась Система. Организовывали травлю в прессе, исключали из партии, прорабатывали в писательском департаменте. Вызывали на партийный олимп и обвиняли в том, что его поэзия зовет не на великие стройки коммунизма. Натравливали ОБХСС, не подпускали к телевидению. На совещаниях в КГБ заботливо инструктировали по поводу «вражеских» песен Окуджавы.

Нетрудно понять, почему служители Системы топтали любой яркий талант, стоило лишь тому приобрести попу-

лярность. Это каралось жестоко, потому что по установленному порядку авторитетами, властителями дум и народными любимцами имели право быть только партийные избранные.

Не забуду, как ответил нам, студентам Московского университета, С. Лапин (тогдашний руководитель Гостелерадио) на вопрос, почему он запретил КВН.

— А потому, — сказал Лапин, — что капитаны команд превратились в кумиров, наподобие западных телезвезд. Это противоречит нашим социалистическим традициям, природе советского строя. Я уж не говорю о том, что в роли этих кумиров оказались люди определенной национальности. Куда это годится?

Когда обыватель у власти, он терпеть не может художников, восстающих против обывателей, против глупости и пошлости.

Есть и еще одна неизменная и элементарная причина непримиримости чиновничьей братии к талантам. Это зависть. Извечная злая ненависть посредственности к людям одаренным. К людям независимым и внутренне свободным.

Булат Окуджаву — один из таких людей. Но тяжелой молот, «дробя стекло, кует булат». И поэт устоял. Помог суровый жизненный опыт. В тридцать седьмом судьба разлучила его, арбатского подростка, с отцом и матерью. Началась двадцатилетняя полусапитания сына репрессированных родителей. В семнадцать лет он ушел на фронт, прошел войну солдатом, был ранен. Выстоял. Не согнулся.

Ни постановлениями, ни яростной бранью в прессе невозможно было запретить такое яркое явление, как Булат Окуджаву. Он, например, оказался необходимым кинематографу: режиссеры обращались к нему с просьбами поучаствовать в создании фильмов, зная, что такое участие придаст фильму особую атмосферу духовности, высоко поднимет планку его качества.

Наконец, романы Окуджавы, действие которых происходит в прошлом веке, и его автоби-

ографическая проза стали событиями в литературе. Как и его поэзия, они наполнены грустью и улыбкой. В них — мудрость и ирония, понимание человеческих страстей, ошибок и заблуждений. Размышления о жестокости нашей жизни, неуважении к личности, крушении идеалов, эфемерности надежд, разочарованиях и утратах. В них все то же наслаждение бесконечной и быстротечной жизнью и страдание от ее несовершенства...

Проходят годы. Меняются нравы и вкусы. Меняется отношение людей к окружающему миру. То и дело возникают новые модные имена на литературном небосклоне и затем благополучно гаснут.

А Булат Окуджаву так и не потускнел, не устарел. Как и три десятилетия назад, он вышвырывается над нашим временем. Потому, может быть, что никогда не старался никому понравиться, угодить, а всегда пытался выразить себя, рассказывать о себе. Потому, что не стремился никого никуда «вести», а видел предназначение поэта в том, чтобы увеличивать количество добра в мире и помогать ему в противоборстве со злом. Потому, что в его книгах без всяких восклицательных знаков выражены самые восклицательные человеческие чувства, непреходящий свет подлинности которых озаряет стихи и прозу:

Совесть, благородство и достоинство — вот оно, святое наше воинство. Протяни ему свою ладонь, за него не страшно и в огонь. Лик его высок и удивителен. Посвяти ему свой краткий век. Может, и не станешь победителем, но зато умрешь как человек.

9 мая Булату Окуджаве исполняется семьдесят лет. В этот день так хочется сказать (может быть, не слишком оригинально) сердечное спасибо поэту, на протяжении этих десятилетий никогда не отступавшему от своих нравственных принципов и пронесшему через нелегкую жизнь высокое достоинство.

Человеку, который стал частью нашей жизни и особым моральным знаком Времени.

Любовь к нему объединяет нас.

Многие Вам лета, Булат Шалвович!

Илья МЕДОВОЙ.

● Булат Окуджаву на крыльце дома в Переделкине. Апрель 1994 года. Фото автора.